

З. Г. Гайдакова<sup>3</sup>, О. В. Кардаш<sup>1, 2, 3</sup>, С. А. Липс<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Институт археологии и этнографии СО РАН  
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия  
E-mail: kov\_ugansk@mail.ru

<sup>2</sup> Сургутский государственный университет  
Югорская лаборатория археологии и этнографии  
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

<sup>3</sup> АНО «Институт археологии Севера»  
ул. Набережная, д. 16, г. Нефтеюганск, 628305, Россия  
E-mail: gajdakova@yandex.ru

## **Надымский городок: вещевой комплекс восточноевропейского происхождения XIII–XV веков**

**Аннотация.** В результате раскопок последних лет получены новые данные о вещевом комплексе и архитектуре строений, которые имеют радикальные отличия от более поздних периодов функционирования Надымского городка. Они подтверждают ранее выдвинутую гипотезу о принадлежности жителей городка славяно-финскому населению. На сегодняшний день этнический состав жителей городка можно охарактеризовать как смешанный. Несомненно, среди жителей присутствовали как выходцы из северо-восточной Руси, так и аборигенное население. Архитектура строений и анализ вещевого комплекса не оставили в этом сомнений. Первые факты, свидетельствующие об основании Надымского городка славяно-финским населением, представлены в данной статье.

**Ключевые слова:** север Западной Сибири, река Обь, река Надым, Надымский городок, Новгород Великий, Югра.

### **Введение**

Вещевой комплекс, полученный в результате исследования Надымского городка в 2016 году, на сегодняшний день является единственным источником по периоду XIII – середины XV века. Этот период мы связываем с вхождением территории Югры в состав волостей Новгорода Великого и называем Новгородским<sup>1</sup>.

Гипотеза, выдвинутая о времени основания Надымского городка в XII–XIII вв., была основана на анализе вещевого комплекса, полученного из осыпи. Теперь эта гипотеза получила фактическое обоснование по данным дендрохронологического анализа. На основании этих данных можно утверждать, что Надымский городок начал свое функционирование в конце XII – начале XIII века. При этом застройка территории городка на первом этапе развития продолжалась на протяжении XIII – начала XIV века. Хотелось бы отметить, что этот слой раскопан неравномерно. Так, например, исследования

<sup>1</sup>Мы считаем, что для Надымского городка этап с середины XIII до второй трети XV вв. можно правомерно назвать Новгородским. Судя по документальным источникам, а также мнениям исследователей, в том числе Лерберга [Лерберг, 1819], бассейн р. Надым входил в состав территории Югры, включая Надымский городок, поскольку Югра к середине XIII века уже числится среди волостей Великого Новгорода и упоминается в известных Договорных грамотах Новгорода с Великими Князьями Тверскими (грамоты 1265, 1270, 1305, 1307, 1327, 1470 гг.) [Собрание государственных грамот, 1813. – С. 1–20]. Московский царь Иван III в 1484 году принял титул князя Югорского после похода воевод Курбского и Салтыка Травина в 1483 году [Плигузов, 1993. – С. 143–146]. Соответственно, с этого периода Новгород Великий прекращает свое владение и управление землями Югры.

последнего года практически не затронули слой XIII века и лишь частично слой XIV века в постройке 22. Тем не менее весь вещевой комплекс, полученный в результате работ 2016 года, относится к периоду XIII – середины XV века. Этот комплекс имеет уникальные особенности, связанные с формами предметов, которые не имеют аналогов на памятниках синхронного периода, принадлежавших аборигенному населению, таких как городище Ярте VI или Бухта Находка, и в слоях более поздних периодов Надымского городка XVI–XVIII вв. Эти формы предметов также отсутствуют в этнографии народов Севера. Мы считаем, что это служит явным свидетельством присутствия иноэтнического населения. В данной статье представлен анализ и подробное описание форм этих предметов.

**Описание вещевого комплекса.** Всего в результате работ 2016 года было найдено около 1658 предметов. Из них вещей, изготовленных из дерева, – 793 экз., бересты – 153 экз., металла – 347 экз., кости – 266 экз., кожи и ткани – 21 экз., камня – 51 экз., стекла – 11 экз., травы – 7 экз., глины – 6 экз. В коллекции представлены функциональные группы предметов вещевого комплекса, такие как украшения, детали костюма и обуви, принадлежности охоты и рыболовства, предметы быта, средства передвижения и ритуальные предметы. На этом основании мы можем рассматривать хоть и небольшой, но полноценный комплекс предметов. Хотелось бы отметить, что эта выборка по сравнению с другими периодами не очень большая, но она содержит достаточное количество категорий вещей, охватывающих практически все стороны жизни проживавшего там населения, для проведения сравнительного анализа.

Большинство категорий предметов из числа обнаруженных периода XIII – середины XV в. не имеют типологических отличий, либо они весьма незначительны при сравнении с предметами вещевых комплексов последующих хронологических периодов функционирования Надымского городка. То есть можно говорить о некой части населения городка, которая проживала в нем с начального периода и передавала навыки и формы предметов собственного изготовления вплоть до первой трети XVIII века из поколения в поколение [Кардаш, 2013а]. Этническое определение этого населения не входит в задачи настоящей работы и станет предметом дальнейшего изучения.

Однако в коллекции XIII – сер. XV в. имеется ряд типов предметов, которые отсутствуют в составе вещевого комплекса последующих хронологических периодов функционирования Надымского городка или имеют значительные отличия. На этом основании мы разделили вещевой комплекс на две условные группы, что, на наш взгляд, позволит сконцентрировать внимание на особенностях и отличиях предметов новых типов и форм. Мы подробно остановимся на предметах первой группы, чтобы если и не выяснить причину появления вещей новых типов типологических различий, то попытаться определить, какой характер носили динамические изменения – региональный, хронологический или этнокультурный.

**Первая группа.** Еще одной особенностью данных типов изделий является то, что они не могли быть получены в результате торгово-меновых операций и изготавливались непосредственно жителями городка и на территории городка, то есть были связаны с культурной традицией населения городка новгородского этапа.

**Мотыги** – 3 экз. (рис. 1. – 1–3). Изготовлены из дерева, состоят из рабочей заостренной части и рукояти. Для изготовления орудия использован фрагмент ствола дерева, из которого под углом приблизительно в 60° росла массивная ветка. Первое орудие изготовлено из древесины лиственных пород (береза?). Его размеры: рабочая часть конусовидной формы имеет длину 33,7 см и максимальный диаметр обуха 5,5–4,5 см, длина рукояти 55,0 см, диаметр 2,8 см (рис. 1. – 1). Следующие два орудия изготовлены из древесины хвойных пород (ель, лиственница?). Размеры второго: рабочая часть цилиндрическая длиной 32,3 см, диаметром 5,1 см заострена с двух сторон двумя гранями, длина рукояти 70 см (рис. 1. – 2). Размеры третьего: рабочая часть коническая длиной 16,7 см с диаметром обуха 7,5 см, длина рукояти 46,0 см, диаметр 2,8 см (рис. 1. – 3). У всех экземпляров на острие хорошо фиксируются следы утилизации (рис. 1 – 1а, 2а).

**Местонахождение.** Мотыги были найдены у юго-западной стены постройки 22, квадрат Ж/57, ур. 3,15 м и относятся к слою периода сер. XIV – сер. XV в.

**Аналогии.** В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее XV в. данный тип орудий отсутствует [Кардаш, 2013а]. На синхронно функционировавшем объекте городище Бухта Находка

в слое XIII – начала XIV в., принадлежавшем аборигенному населению, данный тип орудий также отсутствует [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуевского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2013б].

Ближайшие аналогии этим орудиям есть в материалах раскопок Новгорода Великого. Так, по данным Б. А. Колчина, там было найдено 7 мотыг в слое XI в., но в хорошей сохранности – только три. Судя по описанию наиболее сохранившегося изделия, мотыга была изготовлена из дуба, лопасть из ствола, а рукоять из ветки. Размеры лопасти: ширина 7,5 см, длина 29 см, длина рукояти 78 см (рис. 1 – 4, 5). Эти изделия были отнесены к орудиям для земледелия (огородничества) [Колчин, 1968. – С. 17, рис. 6 – 1, 2]

Таким образом, сравнивая мотыгу начала XI в. из слоя средневекового Новгорода с найденными в Надымском городке, можно утверждать, что одна из них по форме изделия абсолютно идентична, другие аналогичны, а размеры приближены к новгородским. Однако мы не можем интерпретировать их как земледельческие орудия, поскольку зона дельты р. Надым не является земледельческой. В этой связи мы можем интерпретировать их функциональное назначение как связанное со строительными земляными работами, поскольку никаких других инструментов (лопат) для подобных работ в вещевом комплексе всего периода не обнаружено. Остановимся подробнее на нашей гипотезе. Во-первых, это снятие дерна, который был необходим для возведения жилищ, а именно – для дернового гнета, который формировал кровлю оборонительно-жилого комплекса. Также данные орудия могли применяться для добычи глины, поскольку глина использовалась для изготовления глинобитного пола, завалинок. Еще один возможный способ использования мотыг – выкапывание ям, поскольку был зафиксирован погреб в нижнем слое того же времени, выкопанный в материковом грунте, для создания которого нужны были какие-то орудия.

*Корыта с прорезными ручками* – 15 экз. (рис. 2, 3 – 1–4). К данной группе относятся деревянные корыта, цельнодолбленные, пятиугольной формы с двумя ручками, с полукруглым поперечным и прямоугольным продольным сечением. Размеры данного типа корыт колеблются: длина 61,5–46,0 см, ширина 28–20 см, высота 8–6 см. Остальные экземпляры представлены фрагментарно. По размерам этих фрагментов мы можем утверждать, что длина корыт не превышала 50 см. Стенки высокие пологие, плавно переходящие в дно. В изделиях с внутренней стороны у коротких стенок четко обозначены грани, а у длинных они не выражены – стенки плавно переходят в дно. Один из коротких краев вытянут, образуя вершину с углом в 45°, примыкающую к треугольной ручке, а противоположный – прямой. Одна из ручек представляет собой треугольную ручку-ушко, вторая округлая. Размеры ручек колеблются в пределах 16–13 см.

Местонахождение. Корыта с прорезными ручками были найдены в разных частях раскопа и относятся к слою периода конца XIII – сер. XV века.

Аналогии. Несомненно, деревянные цельнодолбленные корыта различных форм использовались населением на протяжении всего периода функционирования городка, однако пятиугольные с двумя прорезными ручками – позднее XV в. не встречаются [Кардаш, 2013а]. На принадлежавшем аборигенному населению синхронно функционировавшем объекте городище Бухта Находка корыта подобной формы отсутствуют в слое XIII – начала XIV в. [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуевского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных корыт также нет [Кардаш, 2013б]. И позднее в этнографических сведениях о материальной культуре аборигенного населения Северо-Западной Сибири XIX–XX вв. корыта подобной формы отсутствуют [Соколова, 2007. – С. 261, рис. 481].

Единственная найденная нами аналогия на сегодняшний день присутствует в вещевом комплексе X–XI вв. Новгорода Великого. Б. А. Колчиным выделена группа малых корыт, имеющая следующие параметрические характеристики: в длину они достигали 40–50 см, шириной были около 20 см. У части этих корыт с торцевой стороны находились ручки [Колчин, 1968. – С. 48; рис. 39]. В публикации присутствует изделие, у которого рукоять морфологически идентична рукоятям найденных в Надымском городке корыт. Размеры изделия – общая длина 33 см, длина ручки 14 см. Данный предмет идентифицирован как ковш, хотя имеет явные следы слома на одной из сторон (рис. 3 – 4, 5). Возможно, на

идентификацию повлияла форма ручки. Однако, исходя из находок Надымского городка, это вполне могло быть корыто со специфической ручкой, что не исключает вероятности вторичного использования предмета в качестве ковша. Размеры и форма ручки идентичны найденным в Надымском городке. По морфологическим признакам и метрическим показателям можно сделать вывод об однотипности используемых корыт в Новгороде Великом и Надымском городке.

*Стул-табурет*<sup>2</sup> – 1 экз. (рис. 3–6). Табурет относится к элементам интерьера жилого помещения – предметам мебели. Обнаруженный в Надымском городке табурет представляет собой конструкцию, состоящую из сиденья и ножек. Сиденье представляет собой массивную доску в форме овала с шестью сквозными отверстиями по периметру, четыре отверстия имеют округлую форму, два прямоугольную. Центральная часть с одной стороны чуть углублена и таким образом образованы невысокие бортики. Размеры: 43,3 × 27,5 см. Ширина варьируется от 5,2 до 3,8 см. Размеры отверстий 1,5 × 2,4 см, 1,2 × 2,6 см, 1,2 × 2,4 см, 2 см, 1,2 × 2,5 см, 1,4 × 2,0 см. Ножки не сохранились. Благодаря четырем округлым сохранившимся отверстиям можно отнести данный табурет к типу стульев с овальным сиденьем и пирамидально расположенными ножками. Два прямоугольных отверстия не являются опорными ножками, но связаны с конструкцией ножек. В этой связи мы реконструируем связь между ножками в средней части для усиления связи ножек с сиденьем (рис. 6 – 1).

**Местонахождение.** Стул-табурет был найден у юго-восточной стены в пространстве постройки 22, квадрат Л/58, ур. 3,03 м и относится к слою середины XIV – начала XV века.

**Аналогии.** В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее сер. XV в. данная категория предметов отсутствует. Хотелось бы отметить, что в Надымском городке вообще отсутствуют какие-либо предметы мебели, относящиеся к элементам интерьера жилого пространства [Кардаш, 2013а]. Данный тип мебели был найден впервые. На синхронно функционировавшем городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшем аборигенному населению, данный тип предметов отсутствует [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2013б]. В этнографии народов Севера также зафиксированы подобные изделия с овальной площадкой и пирамидально расположенными ножками, но они относятся к типу низких обеденных столов [Соколова, 2007]. Появление мебели в интерьере хантыйских домов, например, различные столы, стулья, полки, стеллажи произошло только в XIX в. Их появление связано, по всей видимости, с постоянным присутствием оседлого русского населения на Севере России.

В Новгороде Великом, по данным Б. А. Колчина, стулья существовали, но они значительно отличались по конструктивным особенностям. Так, новгородские стулья имели квадратное сиденье с прямо расположенными ножками. Тем не менее мебель присутствовала, но именно такой формы еще не обнаружена. В исторических источниках зафиксированы табуреты, подобные надымскому, на средневековой гравюре (рис. 6 – 2). В русских и европейских этнографических источниках подобные изделия зафиксированы. Например, относящиеся к XIX веку есть в экспозиции РЭМ (г. Санкт-Петербург), посвященной населенным пунктам Архангельской губернии (рис. 6 – 3). До настоящего времени бытуют в Болгарии, Родопы, д. Петково (рис. 7 – 1). Подобные изделия есть в швейцарском музее деревянной архитектуры Балленберга (рис. 7 – 2). В данной работе мы приводим те аналогии, которые нам известны, вполне вероятно, существуют и другие. Нами был проведен широкий анализ изображений стульев-табуретов в интернет-ресурсах с привлечением экспозиций музеев, и нам удалось выделить только эти предметы как наиболее близкие по форме и назначению, поскольку сама форма стула-табурета с овальным сиденьем и пирамидально расположенными ножками не так широко распространена. Судя по всему, стулья данного типа являлись характерным элементом мебели жителей Восточной Европы, что позволяет определить принадлежность данного вида мебели как европейскую.

<sup>2</sup> Стул – «известная домашняя утварь, для одиночного сидения, ослон, сиденье с прислоном, со спинкою; с подлокотниками, кресло, кресла; без прислона, скамейка и табурет, а в народе также стул» [Даль, 2012]. В малом академическом словаре дано следующее определение стула – «род мебели, обычно со спинкой, предназначенной для сидения одного человека». Табурет – (фр. tabouret). «Род скамейки с квадратным или круглым сиденьем без спинки, употребляется вместо стула» [Ушаков, 2012]. В современной этимологии произошло разделение определений на: «стул – то, что имеет спинку», и «табурет – то, что не имеет спинки», поэтому мы их используем оба.

Фигурки *тось-чер-вой*<sup>3</sup>, изображающие лошадь? с седлом – 7 экз. (рис. 8 – 1–6). Тось-чер-вой представляют собой плоские стилизованные изображения животного с седлом (крыльями?), с круглым отверстием в центре. Они изготовлены из дерева. Главной особенностью этих изображений является наличие седла, т. е. в верхней части на спине схематично вырезано седло. Средний размер: длина 10–16 см, высота 3,1–4,2 см, толщина 0,4–0,8 см.

Мы отнесли эти предметы к первой группе, поскольку именно изображения лошадей? с седлами в более поздних вещевых комплексах Надымского городка не встречаются, и ближайшие аналогии этих изображений есть в материалах раскопок Новгорода Великого, поскольку и в том и другом случае речь идет о плоских деревянных изображениях животных, внешне напоминающих лошадь с седлом [Колчин, 1971. – С. 47, таб. 38].

Рассматривая в целом тось-чер-вой, отметим, что эти предметы присутствуют на протяжении всего периода функционирования городка, но есть типологические отличия – помимо самих изображений лошадей с седлами (крыльями?), это размеры. Фигурки, относящиеся к рассматриваемому периоду, значительно крупнее, их средний размер составляет 22 см. У фигурок, относящихся к XVII–XVIII вв., средний размер около 10 см.

Местонахождение. Фигурки тось-чер-вой были найдены в разных частях раскопа и относятся к слою периода конца XIII – сер. XV веков.

Аналогии. На принадлежавшем аборигенному населению синхронно функционировавшем объекте городище Бухта Находка в слое XIII – начала XIV в. найден один подобный предмет, интерпретируется как случайное попадание в результате связи с населением Надымского городка [Кардаш, 2011]. Фигурки тось-чер-вой зафиксированы в Полуиском мысовом городках и городище Бухта Находка, но на данных памятниках нет изображений животных с седлами. Рассматривая количественные показатели, следует отметить, что в Надымском городке всего тось-чер-вой было найдено больше тысячи экземпляров, а в Полуиском мысовом городке несколько десятков.

Ближайшая аналогия иконографии изображений этих предметов – лошадей с седлами – встречена в слоях X–XII веков Новгорода Великого. Размеры новгородских изображений варьируются: длина от 14,5 до 43 см, высота от 5,5 до 16 см, толщина от 1,5 до 2,6 см. Они получили определение «коников» и интерпретируются как изображения лошадей [Колчин, 1971. – С. 47, таб. 38]. Хотелось бы отметить, что именно седло является характерной чертой изображений русских коников (рис. 8 – 7–10). Что же касается изображений самого седла, то в литературе встречается несколько противоречивых сведений: так, одни исследователи интерпретируют его как седло [Колчин, 1971. – С. 47, таб. 38], другие – как крылья [Пархимович, 2014. – С. 33]. Однако детального анализа и доказательств той или иной версии среди исследователей русской материальной культуры нет.

В целом фигурки из Надымского городка соотносятся по размерам со средними и малыми размерными группами новгородских изображений коников с седлами. Конечно, иконография фигурок из Надымского городка близка к иконографии изображений северного оленя из набора тось-чер-вой, но именно седлообразный элемент, а также хвост маркирует их как лошадь. У северного оленя, лося хвост короткий, а у фигурки, изображающей лошадь, имеется длинный опущенный хвост, что и является одним из признаков, определяющих лошадь. Сам же седлообразный элемент маркирует связь с Северо-Восточной Европой, а именно, с людьми, которые изображали этих коников. Он не мог появиться без непосредственного участия людей, знакомых с данным образом.

Сундук – 1 экз. (рис. 9 – 15). К данной группе относится деревянный сундук, состоящий из 10 фрагментов. Представляет собой квадратный ящик со съемной крышкой. Из найденных фрагментов восстанавливается часть крышки сундука в форме квадрата, состоящей из четырех боковых планок и одной верхней. Боковые грани крышки в профиле клиновидные. Соединение боковых граней осуществлялось в технологии «шип – паз» (рис. 9 – 3а, 4а). У верхней планки торцевая кромка оформлена

<sup>3</sup> Тось-чер-вой представляют собой фигурки – стилизованные изображения человека, животных и предметов с круглым отверстием в центре, изготовленные из дерева, использовавшиеся в ритуальных целях. Ареал распространения – как культовой практики, связанной с охотничьим промыслом, – находит аналогии у населения Северо-Восточной Европы начиная с IX–X веков. Детальный анализ происхождения этих предметов дан в монографическом исследовании, посвященном Полуискому мысовому городку [Кардаш, 2013б. – С. 208–210].

фаской для более плотного прилегания поверхностей друг к другу. На верхнюю планку нанесен геометрический орнамент. Основу композиции составляет горизонтальный зигзаг со сложными меандрами, которые сопровождаются точками (рис. 11). Также на крышке есть два сквозных отверстия, которые, по-видимому, использовались для ручки. Ручка не сохранилась. На наш взгляд, ручка представляла собой кожаный ремешок (рис. 15). Крепление верхней и боковых планок осуществлялось с помощью полос бересты, которые приклеивались по периметру крышки и в местах соединения двух верхних планок, помимо приклеивания, полоски бересты также прибивались деревянными нагелями. Железные мебельные гвозди не использовались, поскольку в отверстиях нет следов ржавчины и окисления. Сами отверстия не были сквозными, поэтому могли быть использованы только для крепления обкладки. Стенки сундука высокие орнаментированные, было найдено два их элемента. Торцевые кромки оформлены фаской для более плотного прилегания поверхностей друг к другу (рис. 12, 13). Соединение стенок друг с другом, а также с дном осуществлялось с помощью полос бересты, которые приклеивались. Помимо приклеивания полоски бересты также прибивались деревянными нагелями.

На стенки нанесен растительный орнамент. Судя по остаткам краски, орнамент был выполнен в двух цветах – красном и черном, причем основной орнамент выполнен красным, а черной краской нанесен контур, формирующий изгибы красных завитков. Что касается происхождения самой краски, то можно с достоверностью говорить лишь о составе черной краски, поскольку она сохранилась. Черная краска была изготовлена путем смешивания сажи и жира – подобный процесс получения черной краски описан Сирелиусом [*Сирелиус, 1906.* – С. 44–48]. Красная краска сохранилась частично, поэтому можно лишь высказывать предположения о составе. Возможно, она была изготовлена путем смешивания жира и какого-то органического материала. Основа композиции – горизонтальная волна со спиральными ответвлениями. Пространство между волной заполнено мелким зигзагом. Толщина линии зигзага составляет 0,2–0,3 см, а толщина черной линии волны 0,5 см (рис. 12, 13). Эта орнаментальная композиция получила название «виноградная лоза». Подобный орнамент встречается среди находок Надымского городка. Им, например, украшена берестяная посуда и берестяные ножны. Такие, изготовленные непосредственно жителями и имеющие русское происхождение, орнаментальные композиции ранее XII–XIII вв. на территории Западной Сибири не встречаются. В составе импортных вещей, происходящих, к примеру, из Волжской Булгарии, такие композиции есть. Если говорить в целом о распространении этой орнаментальной композиции, то можно указать на широкий ареал распространения и широкую семантическую нагрузку. На наш взгляд, для данной территории уместно связать этот орнамент с христианской традицией и отнести происхождение орнамента и человека, выполнившего этот орнамент, к территории Северо-Востока или Северо-Запада Руси, а именно Новгородским землям. Необходимо также отметить еще одну особенность, связанную с цветной орнаментацией. За все время исследований Надымского городка были найдены изделия с цветным орнаментом, но эти предметы были изготовлены из кожи, ткани и бересты [*Кардаш, 2013а.* – С. 197, рис. 3.2 – 2, С. 199, рис. 3.4, С. 278, рис. 3.82 – 7; *Гречёва, 1986.* – С. 21–26]. Роспись по дереву очень редка. Так, среди находок Надымского городка присутствует еще один фрагмент деревянного донца с растительным орнаментом, нанесенным красной краской. В позднем вещевом комплексе Надымского городка таких предметов нет. Упоминания о геометрическом орнаменте на дереве, расписанном цветом, появляются только в конце XIX века, и, по всей видимости, это связано с активным освоением русскими Севера Сибири [*Иванов, 1963.* – С. 54; *Гондатти, 1888*]. Расписанные цветом узоры получают новый виток в середине XX века с распространением цветных карандашей и акварели [*Соколова, 2009.* – С. 635].

Дно сундука сохранилось частично и представлено двумя планками. Дно было вписано в стенки, и крепление осуществлялось встык (рис. 10 – 2-4, 13 – 2а).

**Местонахождение.** Фрагменты сундука были найдены в постройке 17, квадрат К/59, ур. 3,32 м и относятся к слою периода первой половины XV века. Хотелось бы отметить, что сундук является культовой вещью и был изготовлен значительно раньше, возможно в конце XIV века. Учитывая его сакральный характер и длительное время использования, он, возможно, был изготовлен и ранее конца XIV века.

**Аналогии.** В составе вещевого комплекса Надымского городка позднее сер. XVI в. данная категория предметов присутствует, но в виде кованых деталей – обкладок, замков, ключей, оббивочных гвоздей.

Деревянные элементы отсутствуют [Кардаш, 2013а]. На синхронно функционировавшем городище Бухта Находка конца XII – начала XIV в., принадлежавшем аборигенному населению, данный тип предметов отсутствует [Кардаш, 2011]. В коллекции Полуйского мысового городка конца XVI – первой трети XVIII в. подобных предметов также нет [Кардаш, 2013б]. На всех археологических памятниках с мерзлым культурным слоем, где сохраняются деревянные изделия, таких как городище Усть-Полуй, городище Ярте VI, городище Бухта Находка, Полуйский мысовой городок, в орнаментации используются естественные цвета природных материалов, роспись краской не встречается.

В этнографических сведениях сундуки присутствуют в культуре народов Севера. Так, начиная с конца XIX века сундуки самодельные и русского изготовления, а позднее советские чемоданы использовались для хранения различных изображений духов-покровителей и пожертвований для них, а также кукол-иттарма [Соколова, 2009. – С. 518–524; Бауло, 1998, 2004]. Священные сундучки с фигурками духов-покровителей имелись в каждой семье [Гондатти, 1888. – С. 7; Визгалов, Кардаш, 2010. – С. 92–93]. В этой связи данный сундук, а также сам факт орнаментации и этнографические параллели позволяют нам интерпретировать его как изделие для хранения культовых и ритуальных предметов и приношений. В коллекции Надымского городка деревянных антропоморфных изображений, сопоставимых с размером сундука, большое количество [Кардаш, 2013а].

**Изделия второй группы**, имеющие широкую культурную принадлежность, также представлены несколькими группами. К предметам второй группы были отнесены те типы изделий, которые имеют широкий хронологический диапазон бытования и культурную принадлежность. При анализе таких изделий, как украшения, предметы вооружения, котлы и инструменты, невозможно определить этнокультурную принадлежность изготовителя, поскольку данные типы предметов могли быть получены в результате торгово-меновых операций, так же как сукно и телячья кожа. Предметы из дерева и кости не были предметом торга и изготовлены непосредственно жителями городка. Эти типы предметов традиционно маркируют аборигенное население, они относятся к хронологически-преемственным группам и находят аналогии как на синхронно функционировавших памятниках, так и в этнографических сведениях.

Предметы второй группы, изготовленные из металла, могли появиться у жителей городка при торгово-меновых операциях, а могли быть и непосредственно принесенными самими жителями. Так, например, подвески в форме полумесяца (лунницы) с имитацией зернового декора бытовали на всей территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Время наибольшего их распространения – XI–XII вв. [Седова, 1981. – С. 24. Рис. 6 – 8]. Однако «лунницы» с середины XIII по первую четверть XIV в. появились на территории Северо-Западной Сибири [Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 60–65, рис. 20 – 9]. При детальном рассмотрении предметов второй группы можно сделать вывод о том, что они являются косвенными доказательствами контакта жителей городка с выходцами из Северо-Восточной Руси, а именно с Новгородом Великим, Белоозером, Старой Рязанью.

При сравнительном анализе вещевого комплекса хронологически близкого объекта городище Бухта Находка XII–XIV вв., в котором проживало только аборигенное население, можно сделать несколько выводов. Во-первых, предметы второй группы характерны как для одного, так и для другого памятника. Во-вторых, городище Бухта Находка и Надымский городок находятся на незначительном расстоянии, а именно 135 км, что вряд ли исключает личные связи и торгово-меновые отношения как между жителями этих двух городков, так и с выходцами из Северо-Восточной Европы, земель Новгорода Великого.

**Заключение.** Рассмотрев вещевой комплекс Надымского городка XIII – сер. XV в. можно констатировать, что в коллекции раскопок присутствуют как уникальные формы предметов, которые не имеют аналогов на памятниках синхронного периода, принадлежавших аборигенному населению, так и типологически близкие серии предметов, которые составляют хронологически-преемственные группы и могут свидетельствовать о некой этнокультурной преемственности изготовления.

В этой связи возникают сомнения в однозначной трактовке вещевого комплекса Надымского городка XVI–XVIII вв. как принадлежавшем только аборигенному населению. Несомненно, некоторые типологические формы предметов сформировались здесь с глубокой древности, и сейчас мы хотим

обозначить вектор последующего детального исследования, связанного с идентификацией вещевого комплекса. Представленная в данном исследовании первая группа вещей имеет доказанную этнокультурную принадлежность и связана с населением Северо-Восточной Европы, но вторая группа вещей не может быть столь однозначно интерпретирована. Поэтому необходимо провести детальный анализ форм предметов для определения древних, принадлежавших аборигенному населению, и тех форм, которые могли возникнуть с участием выходцев из Северо-Восточной Европы – славяно-финского населения Надымского городка.

Для примера рассмотрим изделия из кости животных в качестве подвесок – амулетов, талисманов. Появление данной формы также вызывает ряд вопросов, поскольку в материальной культуре жителей синхронно функционировавшего городка Бухта Находка их нет. В результате работ 2016 года по исследованию Надымского городка было найдено сто тридцать шесть экземпляров, а в коллекции городища Бухта Находка за все годы исследований было найдено две подвески – просверленные клыки. Судя по материалам раскопок средневековых памятников на территории Северо-Западной Сибири и сопредельных территориях Прикамья, Поволжья и Руси, подвески из костей животных были повсеместно распространены, причем с давнего времени. На территории Прикамья подвески из различных костей животных известны с эпохи раннего железного века до позднего средневековья [Ашихмина, 1977. – С. 156; рис. 8 – 3; Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 77 – 5; 83 – 39; *Археология Республики Коми*, 1997. – С. 679; рис. 8 – 25]. Довольно много найдено подвесок-амулетов из астрагалов бобра, овцы, клыков лисы и медведя в памятниках X–XIII веков на территории Поволжья – в Болгаре, на Руси – в Старой Ладог, Белоозере, окрестностях Старой Рязани [Закирова, 1988. – С. 233; рис. 103 – 11; *Древняя Русь*, 1997. – С. 157; табл. 93 – 19; *Судаков, Буланкин*, 2005. – С. 271, 278; рис. 5 – 2–8, 13–15].

Но есть также ряд вещей, которые присутствовали в быту населения городища Бухта Находка, Ярте VI и отсутствовали у населения Надымского городка. Например, цельные костяные или деревянные односторонние гребни-заколки, большинство из которых можно охарактеризовать как длиннозубые с небольшим количеством зубцов (5–11). Для жителей Надымского городка характерны гребни двусторонние прямоугольной или трапециевидной формы, изготовленные из копыт лошади, рога или из дерева. С одной стороны гребень снабжен часто расположенными зубцами, с другой – более редко [Кардаш, 2013, С. 176]. Гребни такой формы являются частой находкой на древнерусских памятниках Северо-Восточной Европы. Большая серия подобных гребней была получена из раскопок Изборска, Белоозера, Новгорода Великого и других [Седов, 2007. – С. 283–286, Захаров, 2004. – С. 218–219, рис. 226]. По новгородской типологии аналогичные гребни относятся к типу «Л» и датируются кон. X – нач. XIII в. [Колчин, 1982. – С. 164–166].

Этот перечень отдельных типов предметов можно продолжать дальше. Однако это отнюдь не означает, что все остальные вещи из коллекции XIV – сер. XV в. мы можем с уверенностью отнести к предметам материальной культуры аборигенного населения или некоего пришлого с северо-востока Европы. Несомненно, часть из них имеет восточноевропейское происхождение, если не фактическое, то как минимум формальное, но это предмет более детального и глубокого исследования<sup>4</sup>, которое выходит за рамки данной статьи, поскольку требует более широкого сравнительно-типологического анализа нескольких сотен категорий предметов.

Отвлекаясь от сути вышесказанного, тем не менее и в том же контексте хотелось бы отметить, что в археологической науке у ряда региональных исследователей сложилось мнение, что единственными достоверными признаками миграции русского (славянского) или славяно-финского населения с территории Северо-Восточной Европы в Сибирь является наличие черномореной керамической посуды, выполненной в русской технологической традиции, и предметов личного благочестия. Отметим, что для территории Крайнего Севера наличие керамической посуды не может являться культуроопределяющим фактором в силу региональной специфики жизнедеятельности. Так, например, при раскопках Нижнеколымского Стадухинского острога, без сомнения основанного русскими первопроходцами, в коллекции из числа посуды отсутствуют фрагменты черномореной посуды, зато в большом

<sup>4</sup> В настоящее время такой анализ осуществляется в рамках диссертационной работы «Культура аборигенного населения Нижней Оби: Обдорья в XIII – сер. XVIII в.».

количестве присутствуют фрагменты китайского и японского фарфора. Однако это не является основанием для интерпретации Нижнеколымского острога как китайско-японского поселения [Визгалов, Кардаш, 2010. – С. 40].

Отсутствие предметов личного благочестия также не может являться определяющим критерием при идентификации этнического состава жителей того или иного поселения по археологическим материалам. Например, в Мининском археологическом комплексе X–XIII вв. на селище Владышнево I обнаружен один позднесредневековый крест-тельник, а на селище Владышнево II нет предметов личного благочестия [Археология севернорусской деревни..., 2008. Т. 2. – С. 58, таб. 22]. И это не позволяет усомниться в этнокультурной принадлежности населения как славяно-русского.

Несомненно, гипотеза о европейском происхождении основателей Надымского городка на основе анализа вещевого комплекса требует дальнейшей верификации с помощью антропологических данных. На сегодняшний день могильник не обнаружен, но получение антропологического материала возможно. При разборе мерзлого культурного слоя сохраняются органические материалы, и человеческие волосы – не исключение, соответственно можно попытаться собрать достаточное количество для проведения генетического анализа.

### Список использованной литературы

- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. Материальная культура и хронология. – М.: Наука, 2008. – 365 с.
- Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1977. – С. 139–166.
- Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – 758 с.
- Бауло А. В. Атрибутика домашних святилищ нижеобских хантов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат. VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 4. – С. 404–409.
- Бауло А. В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 89–101.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Святилище Ай-Орт-Ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование. – Нефтеюганск: ООО «НПО “Северная археология”»; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 216 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 216 с.
- Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. – М., 1888. – 91 с.
- Грачи́ва Г. Н. Палеоэтнографические исследования в Арктике // КСИА. – 1986. – Вып. 200. – С. 21–26.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Цитадель, 1998. – 11465 с.
- Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. тома: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – Т. 16). – М.: Наука, 1997. – 368 с.
- Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. тома: Б. А. Колчин. – М.: Наука, 1985. – 431 с.
- Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.
- Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1998. – С. 220–243.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) (Сер.: Народы Севера и Дальнего Востока). – М.; Л.: АН СССР, 1963. – 506 с.
- Изделия остяков Тобольской губернии. Этнографическая коллекция Тобольского губернского музея на Первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске // ЕТГМ, 1909. Вып. 19. – Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1911. – I–IV. – С. 1–136.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: АМБ, 2011б. – 60 с.
- Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013а. – 360 с., ил.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург ; Салехард: Магеллан, 2013б. – 380 с., ил.

Кардаш О. В. Отчет о НИР: «Комплексные археологические исследования объекта археологического наследия «Надымское городище» XIII–XVIII вв. в 2016 году». – Новосибирск, 2017. – 326 с.

Кардаш О. В., Пономарева Т. М. Гребни IX–XIII веков из раскопок археологических памятников Севера Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии, вып. 2 (50). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – С. 72–81.

Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: в 2-х частях. Ч. 2. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 335–347.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. – М.: Наука, 1968. – 184 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55).

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. – М.: Наука, 1971. – 113 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-55. Часть II).

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. – М., 1982.

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории. – СПб., 1819.

Пархимович С. Г. Строительная обрядность в русских поселениях севера Западной Сибири конца XVI – XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2-х томах. Том II. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – С. 28–40.

Плигузов А. И. Текст-кентавр о Сибирских самоедах. – М., 1993. – 156 с.

Сирелиус У. Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ, 1905. Вып. 15. – Tobolsk: Типография Епархиального Братства; 1906. – II. – С. 1–40; ЕТГМ, 1906, вып. 16. – Tobolsk: Типография Епархиального Братства, 1907. – II. – С. 41–69.

Северная археология. – Нефтеюганск: Изд. ООО «НПО «Северная археология»»; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 112 с.

Седов В. В. Изборск в раннем средневековье. – М.: Наука, 2007. – 413 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть I. Москва, в типографии Н. С. Всевожского, 1813. – 643 с.

Соколова З. П. Народы Западной Сибири: этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.

Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Судаков В. В., Буланкин В. М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.

Федорова Н. В. Отчет о НИР «Археологические исследования городища Усть-Войкарского (Войкарский городок) в Шурышкарском районе ЯНАО в 2006 году. Нефтеюганск. – Салехард, 2007. – 110 с.

Федорова Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». – Салехард: Красный Север, 2006. – С. 11–17.

Чемакин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание, исправленное и дополненное. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.



Рис. 1. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв., дерево.  
1a, 1b, 2a – детали рабочей части; 4, 5 – Новгород Великий. Неревский раскоп. XI–XIII вв., дерево



Рис. 2. Изделия с прорезными ручками. 1 – корыто, дерево Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв.; 2 – ковш, дерево. Новгород Великий. Неревский раскоп. X вв. [Колчин, 1968. – Рис. 39]

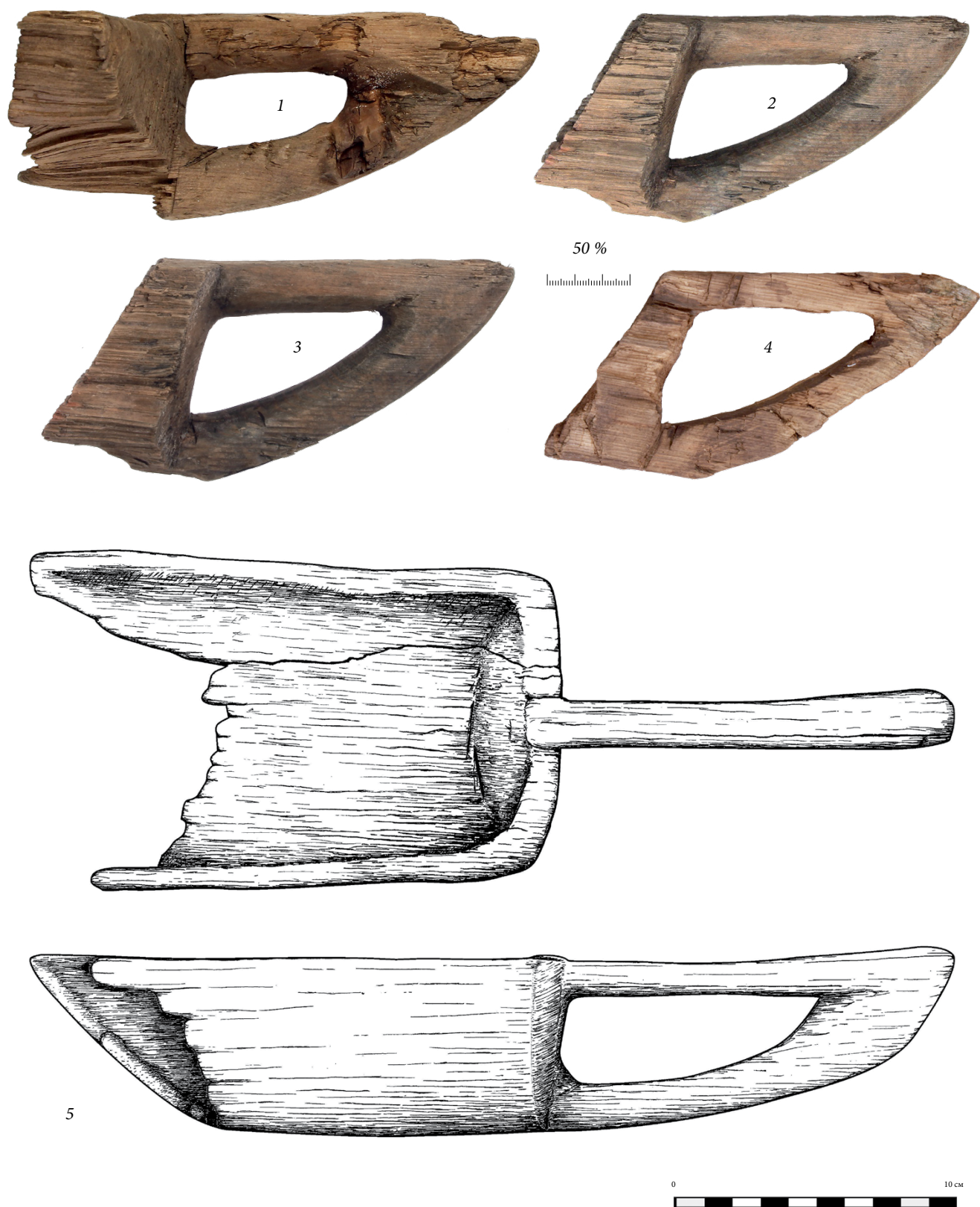


Рис. 3. Фрагменты корыт. 1–4 – деталь корыта, ручка, дерево. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв.; 5 – графическая реконструкция, дерево. Новгород Великий. Неревский раскоп. X в.

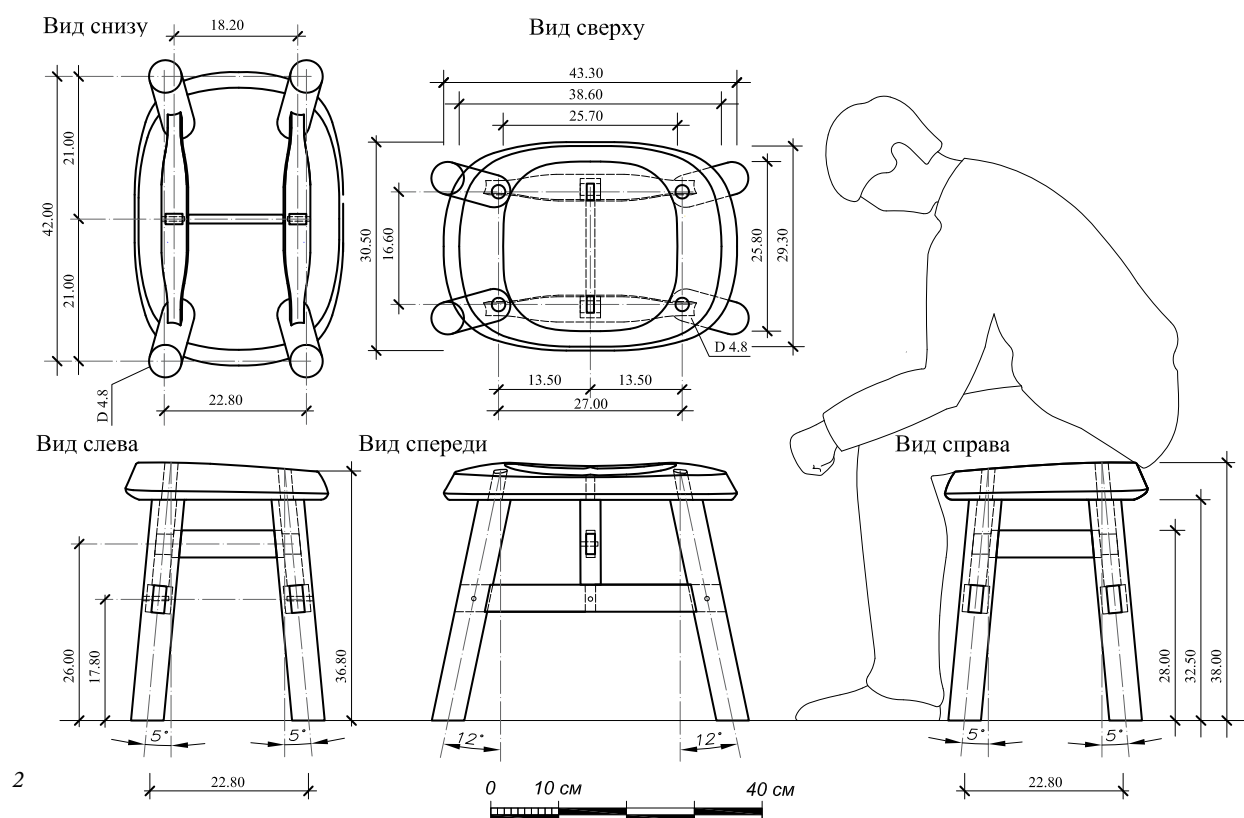


Рис. 4. Надымский городок. Строительный горизонт XIV-XV вв. 1 – стул-табурет, дерево; 2 – реконструкция стула-табурета

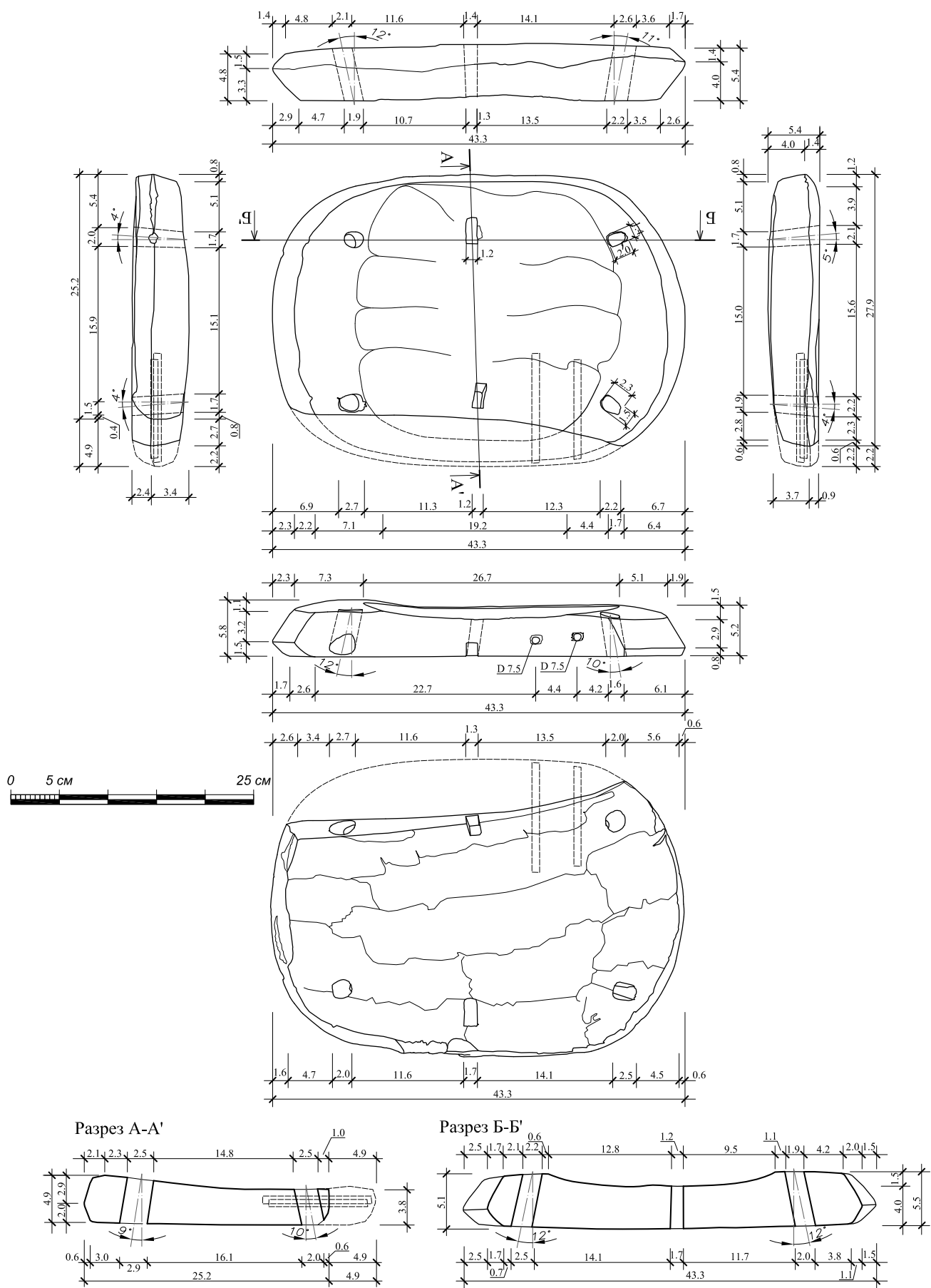


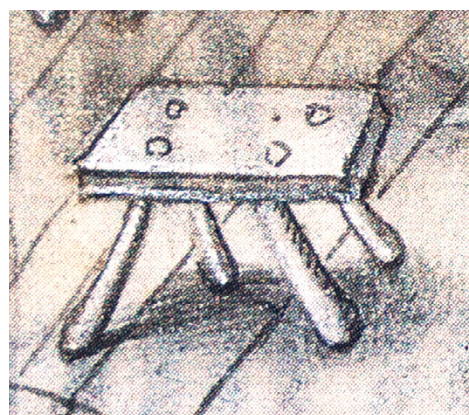
Рис. 5. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв. Стул-табурет, дерево. Обмерный чертеж



2



1



2a



3a



3б



3в

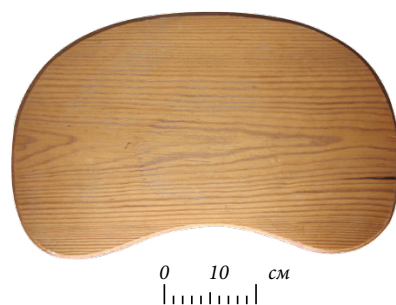
Рис. 6. Стул-табурет, дерево. 1 – Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв.  
 Реконструкция 2, 2a – *Getijdenboek van Philips van Bourgondië / Philip of Burgund's book of hours* Z. Nederlandsen / S. Netherlands, Oudenaarde, o.m. Jean Miélot (cop.) en o.m. Jean le Tavernier (min.). *Latijn en Frans op perkament / Latin and French on vellum*, 268 × 189 mm BvB Doc. Syst. miniatures / miniatures no. 125. Collectie K. B. / R. L. Collection, 76 F 2 fol. 275 r;  
 3 – коллекция МАЭ г. Санкт-Петербург



1



1a



2



2a

Рис. 7. Стул-табурет.  
Аналогии. 1 – Болгария, Родопы, д. Петково; 2 – Швейцария, музей деревянной архитектуры «Балленберг»



Рис. 8. Деревянные изображения лошадей. 1–4 – Тось-чер-вой, коники. Надымский городок. Строительный горизонт XIV–XV вв.; 5, 6 – Тось-чер-вой, коники. Надымский городок. Строительный горизонт конца XVI – первой трети XVIII в.; 7 – XI в.; 8 – X в.; 9 – XIV в., 10 – XV в., Коники. Новгород Великий. Неревский раскоп; 11 – коник, Полуйский мысовой городок. Строительный горизонт конца XVII – первой трети XVIII в.; 12, 13 – коники. Мангазейское городище. Строительный горизонт XVII в.



Рис. 9. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево. 1–4 – детали крышки сундука; 1а – торцевая часть с элементом сопряжения; 3а, 4а – торцевые врезки в месте сопряжения деталей



Рис. 10. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.  
 1 – крышка сундука; 1а – конструкция сопряжения деталей крышки; 2–4 – детали дна сундука

1



1a



Рис. 11. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.  
1 – стенка сундука; 1a – графическая реконструкция орнамента





Рис. 13. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.  
1 – крышка сундука; 1a – графическая реконструкция орнамента

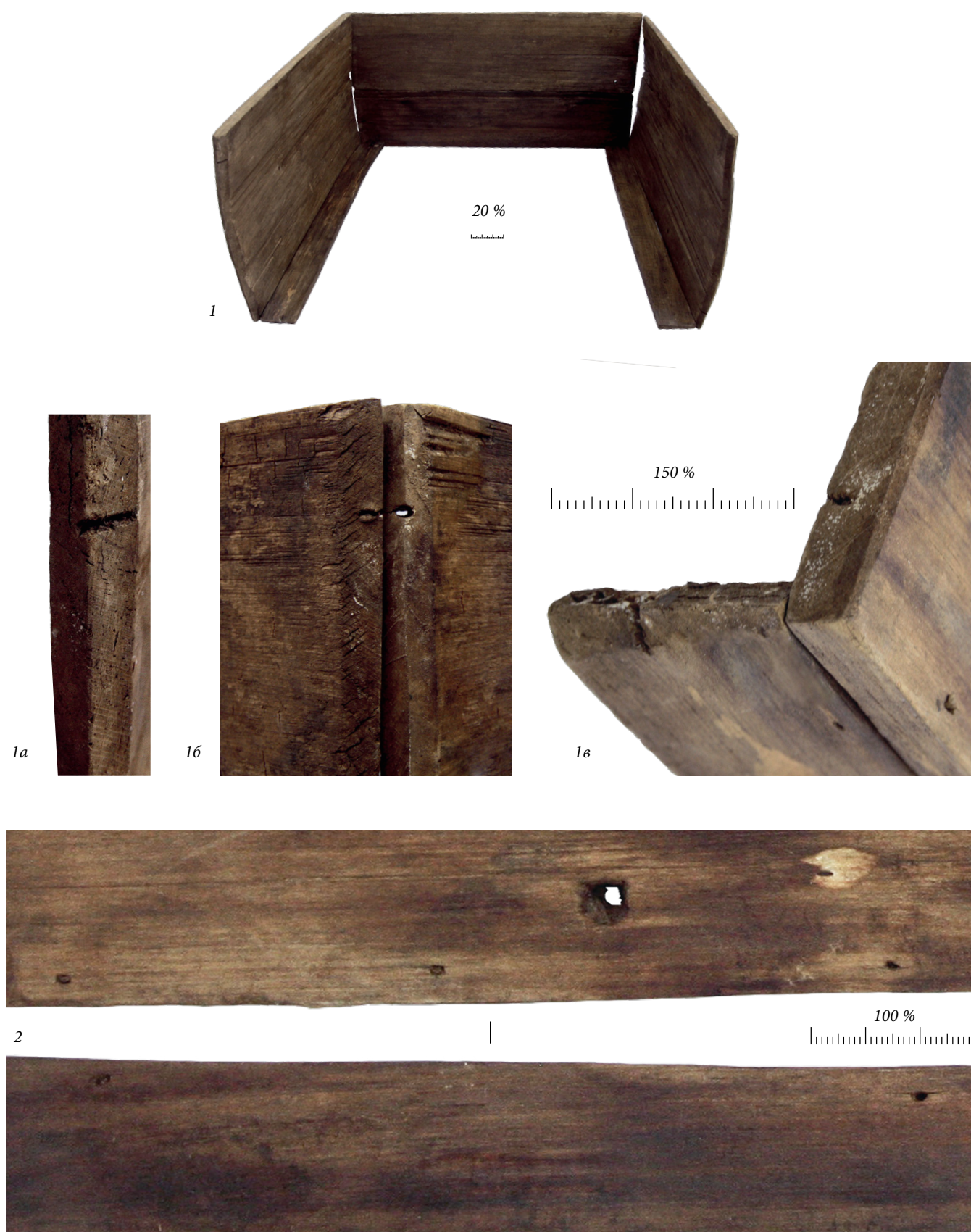


Рис. 14. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.

1 – общий вид изнутри; 1а – деталь торцевой части стенки с отверстием от штифта (нагеля); 1б – сопряжение боковых стенок в месте соединения штифтом (нагелем); 1в – сопряжение боковой стенки и дна сундука; 2 – фрагменты нижнего края стенок сундука с отверстиями от штифтов



Рис. 15. Надымский городок. Строительный горизонт пер. пол. XV в. Сундук, дерево.  
1 – реконструкция